

МОНГИЛЕВА Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (г. Костанай, Республика Казахстан). Автор 30 научных публикаций, в т. ч. одного учебного пособия*

ДИСКУРС «ГРАНИЦ»: АНАЛИЗ ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА О СЕМЬЕ

Целью данной статьи является исследование смыслового пространства семейного дискурса на материале высказываний о семье, размещенных на франкоязычном интернет-форуме. Географические характеристики, особенности исторического и экономического развития способствовали формированию особого менталитета французов, который отличается высоким уровнем индивидуальности, представлением о непреходящей ценности личности и уверенностью в собственной уникальности. В силу этих причин семья в представлении французов выступает личной территорией с ярко выраженными границами: семья осмысливается как «я и моя территория», неприкосновенность границ этой территории подчеркивается. Архетип границы обуславливает топологические и демаркационные мотивы дискурса о семейных отношениях. Данная гипотеза доказывается многочисленными примерами использования: лексем с семей «пространство» в описании семейных отношений; метафоры вторжения на чужую территорию при описании конфликтов; негативной коннотации метафор в обозначении близкого положения; примерами акцентирования границ своей личности и семейного круга грамматическими средствами. Дополнительным доказательством приоритета демаркационной модели действительности становится анализ семантического представления в ряде лексем при помощи универсальных схем «динамики сил» Л. Талми. В статье подчеркивается, что понятие «famille» во франкоязычном дискурсе подразумевает прежде всего отношения родителей и детей и служит для обозначения разных семейных групп, противопоставленных друг другу по ряду признаков: семья говорящего/семья супруга, родственники в целом/ближний круг, кровная семья/друзья. При этом оно не покрывает всю родню в целом, как в русском дискурсе. В заключение автор утверждает, что франкоязычный дискурс о семье может называться дискурсом «границ».

Ключевые слова: французский менталитет, франкоязычный дискурс, семейный дискурс, дискурс «границ».

---

*Адрес: 110000, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. Байтурсынова, д. 47; e-mail: natmong@rambler.ru

Для цитирования: Монгилева Н.В. Дискурс «границ»: анализ франкоязычного дискурса о семье // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 98–107. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.98

Анализ дискурсов различной тематики позволяет исследовать смыслы, существующие в качестве социокультурных ценностных ориентиров взаимодействия людей в разных сферах общения. Это возможно потому, что дискурс выступает культуурообусловленным феноменом. Концепты, существенные для речевого общения на данном языке, являются ценностными признаками – ориентирами-символами – и обладают качественной характеристикой феноменов культуры [1, с. 11]. Таким образом, дискурс есть интегральное образование, структурированное субъектом высказывания по определенным нормам и правилам.

В силу того что ценность семьи представляет собой одно из ключевых понятий многих культур, анализ дискурса о семье неизбежно связан с особенностями национального менталитета и системы ценностей нации, т. к. именно она будет играть ведущую роль в установлении причинно-следственных связей и ассоциативных связываний, присущих той или иной системе мировосприятия.

Материалом данного исследования служат высказывания французов о семье, рассказы о семейных отношениях, выложенные на франкоязычном интернет-форуме¹ в рубрике «*Vie quotidienne – éducation famille*» («Повседневная жизнь – семейное образование»). Общение на форуме является динамическим коммуникативным процессом, характеристиками такой интеракции выступают спонтанность высказывания, непринужденность; слабая фокусировка означает ориентацию «на всех пользователей» [2, 3]. Это позволяет анализировать элементы текстов сообщений как единицы активного лексикона французов. Особое внимание мы уделяем комментариям и отзывам, где пользователи просили совета, рассказывая о своей семейной ситуации, или приводили примеры из своей семейной жизни.

А. Фуллье в труде «Психология французского народа» описывает характер французов, анализируя данные антропологии и географии, сведения о расовом составе народов, проживавших

на территории Галлии, а также об обычаях и культуре этносов, участвовавших в формировании французской нации [4]. Климатические характеристики и особенности исторического развития, по словам А. Фуллье, сделали Францию по преимуществу страной общечеловечности.

Ценность законов общего сосуществования в современном французском обществе подчеркивается и другими исследователями. Ф.П. Милети, описывая два направления национального развития (гражданское и этническое), говорит, что Франция – это пример первого из них: нация как добровольное сообщество ее членов, как признание социальной реальности. Сообщество может рассматриваться как нация, потому что его члены решили признать, что это так [5].

Обратной стороной такого уровня развития общественных отношений является крайний индивидуализм. По словам А. Фуллье, мы смотрим на право лишь как на норму отношений между индивидами, не принимая во внимание отношений индивидов ко всему обществу, к правильному развитию национальной жизни [4]. Но таким образом осознанное общественное существование требует сильной индивидуальности и высокого развития личности.

Схожие выводы делает М.К. Голованивская, анализируя французский менталитет с позиций русского мировоззрения [6]. В описании социокультурных смыслов, повлиявших на формирование французского менталитета, она указывает в т. ч., что эпоха Просвещения, или рождение (городской) буржуазной цивилизации, выдвинула на первый план и закрепила сценарии достижения личного процветания в равноконкурентной ситуации состязания.

Особым образом исследователь отмечает географический фактор: море всегда являет собой возможность не только получать информацию о том мире, что лежит за ним, но и распространять через него свое влияние на другие народы. Мощные колониальные владения привили французам наряду с прочим чувство собственного

---

¹ForumFr. <http://www.forumfr.com/> (дата обращения: 05.07.2017).

превосходства, а также превратили Францию в одну из стран всемирного влияния. Климатические условия привели к равномерному развитию территории страны, с множеством крупных центров: Париж, Лион, Марсель и др. Это же обстоятельство, обеспечившее стране принципиальную связанность, дало французам ощущение, что они хозяева ситуации в своей стране – она подвластна им, сильна их воле [6, с. 64–65].

Вышеуказанные особенности развития французского общества, унаследовав традиции античного права, вылились в четкое знание общества о своих правах, уверенность в их неизменности и неприкосновенности. Высокий уровень индивидуальности сформировал у людей представление о непреходящей ценности своей личности, уверенность в собственной уникальности, в собственных силах, веру в зависимость только от своей воли; как следствие, человек четко определил и границы своей личности. При этом граница личного пространства означает не «вот пределы моего влияния», а, напротив, «в этих пределах сфера моего безграничного влияния». Общественное сосуществование в данном аспекте понимается не как отказ от личных интересов в пользу общественных, а, наоборот, соблюдение общественного права как неприкосновенность другой «уникальной территории» в силу того, что там начинается сфера «безграничного влияния другой личности».

Похожие особенности индивидуализма упоминаются в описании «островного сознания», когда речь идет об особенностях менталитета японцев или англичан². Но здесь акцент делается на обособленности, стремлении ограничить себя от внешнего влияния. Эта характеристика дана, скорее, с позиций коллективистского менталитета. «Островное сознание» предполагает другие акценты: это не стремление оградиться от внешнего, а убеждение в превосходстве и уникальности своего собственного, отсюда и отсутствие потребности во внешнем. Внешнее

не трактуется как «худшее», оно просто неинтересно, потому что свое лучше.

Метафора «остров», используемая для характеристики особенностей менталитета, привлекает внимание. С одной стороны, по отношению к японцам и англичанам она оправдана объективными географическими условиями. С другой – использование метафорического термина «островное» по отношению к модели мира нации имплицитно весь семиотический комплекс знака «остров» и может с помощью этой метафоры разъяснить особенности моделей интерпретации действительности, свойственных менталитету конкретной нации. Похожая идея острова как инаковости высказана В. Айрапетяном в его исследовании герменевтики семантически маркированных лексем русского языка: «...окруженный водой остров в противоположность материке иное место, это носитель иного, особенного, исключительного, отсюда ореол у образа острова <...> особость острова есть его обособленность» [7, с. 48].

В. Цивьян также выделяет в значении слова «остров» как лексемы мифологического словаря обособление; существование отдельно, в стороне; импликацию особости как непохожести; индивидуальность, которая, по ее словам, на следующем шаге воспринимается как необычность, странность. В. Цивьян говорит об идее острова в балканской модели мира, отраженной в мифологических и литературных текстах. Интерес представляет мысль о том, что эта особость острова распространяется и на его жителей, и здесь правомерно говорить об островной ментальности, которая характеризуется осознанием собственной уникальности [8, с. 238]. В работе подчеркивается и доказывается на многочисленных примерах, что в ситуации «быть обособленным/особым» метафорическое значение сохраняет свою связь с буквальным, т. е. с указанием на положение в пространстве.

По отношению к французскому мировоззрению метафора «островное сознание» не приме-

---

²Кнабе Г.С., Кондаков И.В., Кузнецова Т.Ф. Культурология: История мировой культуры: учеб. пособие / под ред. Т.Ф. Кузнецовой. М., 2003. С. 100–101.

нялась по причине невозможности считать Францию островной страной. Но В. Айрапетян, раскрывая идею инаковости острова, приводит в пример высказывания о Колыме, Санкт-Петербурге и России в целом, т. е. географический фактор играет не главную роль в тяготении к островному сознанию [7]. Страна имеет ярко выраженные естественные границы, немалая часть которых приходится на моря и океан, является морской державой, обладает небольшой территорией и мягким климатом, что и в древности обеспечивало свободное перемещение по ней, принципиальную возможность достичь ее границ – все это объективные факторы, способствующие формированию островного сознания.

Осознание ценности своей личности и ценностное отношение к своему личностному пространству существуют одновременно, т. к. чем ярче феномен личности, тем сильнее выражены границы ее. Формулируя ту же идею в метафоре острова, в каком бы направлении мы ни двигались, мы достигаем границ острова, т. е. моря. В работах по философскому осмыслению феномена границы подчеркивается, что как архетипическое образование граница имплицитно определяет структурирующие мотивы сознания [9, 10]. Актуализируя человеческую деятельность, архетип границы выступает в качестве скрытого механизма ее организации и метарегулятива и порождает такие смысловые константы границы, как: топологическая, демаркационная, нормативная, телеологическая, провокационная, агоническая, трансгрессивная.

По словам А.М. Бахтызина, идентичность (человека, группы, класса, нации) есть вопрос о границах, т. к. совпадение границ создает определенность. Поэтому идентификация – это не сравнение, а, скорее, рефлексия о том, что тождественно себе. Границы идентичности обуславливаются множеством факторов, относящихся к самым разным сферам культуры. Одним из таких факторов является география культурных ареалов. Своеобразие западного типа осмысления и ценности границ в том, что, разделяя и измеряя, граница надлежит

образом «приводит в порядок» все сущее [11]. Причем порядок понимается здесь не как простая механическая прилаженность вещей друг к другу, но прежде всего как органически обусловленная целостность, получающая посредством полагания предела внутреннюю определенность, т. е. смысловое содержание (истину), и внешнюю (форму).

Гипотеза исследования состоит в том, что франкоязычный дискурс о семье и семейных взаимоотношениях имеет особенности «островного менталитета» и структурируется на основе смысловых констант границы. В плане выражения это проявляется в смыслообразующей оппозиции «моя территория» – «другое». Архетип острова выступает в функции ценностного разграничителя: все, относящееся к «я», имеет определенность и непреходящую ценность, другое – неразлично. Архетип границы обуславливает топологические и демаркационные мотивы дискурса: выражен акцентированием пространственного положения говорящего, использованием пространственных метафор, метафор «я – это моя территория» для описания семейных взаимоотношений.

Ценностное отношение к «я и моя территория» отражается в приоритете пространственной семантики в дискурсе о семье и семейных отношениях, использовании лексики с семей «место», «граница», акцентировании личного пространства «*circulum meum*», его границ и неприкосновенности.

Коммуникативная значимость «*famille*» во франкоязычном дискурсе существенно отличается от значимости слова «семья» в русскоязычном. Если в русскоязычном пространстве реципиент, рассказывая о своей семье, родителях, братьях и сестрах, расширяет область объектов означивания «семья», то во французском коммуникативном пространстве «*famille*» подразумевает прежде всего отношения родителей и детей и служит для обозначения разных семейных групп, противопоставленных друг другу по ряду признаков (*famille recomposée*, *famille maternelle*, *famille paternelle*, *belle-famille*), поэтому в контексте *famille* часто сопровождается

определением. Для обозначения близких говорящему людей (дети, муж, жена) используется *famille proche* 'ближайшая семья', но одновременно это может быть передано единицами *ménage, couple*: «Je suis en couple, cela fait 9 mois que je suis en couple avec mon copain» («Я в паре, вот уже 9 месяцев, как я живу вместе с моим парнем»); *vie de couple* – «семейная жизнь».

Языковая система предоставляет варианты для противопоставления семьи говорящего и родственников жены/мужа: «J'ai une vision assez large de la famille, qui contient d'abord mon mari et mon enfant, puis mes parents et ma fratrie, ma belle-famille» («У меня достаточно широкое видение семьи, которую составляют прежде всего мой муж и мой ребенок, потом – мои родители и братья/сестры, родители мужа»). В данном примере *famille* противопоставляется родителям супруга – *ma belle-famille*, т. е. это отдельные группы по отношению к говорящему.

Уже по степени семантической узости лексемы *famille* можно сделать вывод, что фокус говорящего сконцентрирован на ценности того, кого он сам выбирает (муж/жена), или тех, за кого несет ответственность (дети). Говорящий устанавливает своеобразный субъективный круг личных интересов (*circulus meus* – лат. «личное пространство»): кто вне этого круга – не представляет для него особой ценности и, следовательно, интереса.

На лексическом уровне, кроме вышеперечисленных вариантов обозначения семейной группы, это выражено также оппозицией *famille – amis* 'друзья' (достаточно частое противопоставление): «On dit aussi: la famille on la subit, les amis on les choisit / j'ai décidé dans ma tête qu'il pourrait y avoir une chance de se construire une autre famille, tout ça pour dire que maintenant MA FAMILLE C'EST MES AMIES!!!!»

На грамматическом уровне высказывания выделение близкого круга людей происходит за счет опущения артиклей при перечислении других родственников, что смещает акцент с семантики существительного на перечисление и нивелирует родственников между собой, под *famille* обобщаются все члены группы, неважно

кто, без уточнения: «Famille réduite à sa plus simple expression: deux enfants adultes et moi. Mes frères et soeurs sont répartis sur la planète et je ne connais pas mes neveux et nièces, tous adultes bien mûrs <...> Mes frères sœurs beaux-frères belles-soeurs étaient ravis de voir leurs enfants manger tout ce que je faisais <...> puis mes parents et ma fratrie, ma belle-famille, puis mes oncles, tantes, cousins à un degré assez large».

В лексических единицах *beaux-frères* и *belles-soeurs* непонятно, кого имеет в виду говорящий: родственников по мужу или сводных братьев-сестер, *ma belle-famille* выражает одной формой и родственников со стороны мужа, и его родителей, *ma fratrie* также означает всех родных братьев-сестер. Для сравнения: в русскоязычной коммуникации говорящий всегда указывает, сколько у него родных братьев и сестер.

«Я» говорящего является определяющим в установлении границ семейного круга, который во франкоязычном дискурсе о семье становится своеобразным *circulus meus*. Концептуализация семьи как отражение личного пространства, особая ценность личной территории реализуется в приоритете демаркационной и топографической лексики в семейном дискурсе, особенно если речь идет о конфликтных ситуациях.

Моя семья – моя территория является концептуальной метафорой осмысления семейных отношений, которая выступает в ряде образных выражений разговорной речи. Так, используя глагол *s'incruster* 'инкрустироваться' («инкрустация» – наложение из другого, чужеродного материала), говорящий ассоциативно связывает свою семью с поверхностью из одного материала, а пришедших без приглашения родственников – с элементами из другого: «Prise au dépourvue, je dis qu'il est tard (devinant qu'ils vont essayer de *s'incruster* pour manger)».

С помощью *s'incruster* актуализируется смысл «я и мои близкие – одно целое, родственники – не часть этого целого, несмотря на родство», «кровное родство – не значит сходство чего-либо». Та же импликация у глагола *se pointer* 'прийти', 'заявиться', букв. 'ставить

себя как точку', 'зафиксироваться на моей территории': «Ils se pointent le samedi suivant sans prévenir, et vlan!!»

Акцентирование границ семейного круга, понимание семьи как территории происходит с помощью лексики со значением «вне линии» в сочетании с существительным *foyer* 'очаг', 'дом': «Sens de l'hospitalité t'ennuie et tu n'as aucune considération pour les personnes extérieures à ton foyer. / Estimer que les gens en dehors du foyer sont forcément des gros lourds».

Импликация неприкосновенности личного пространства также происходит, если говорящий конкретизирует в речи свое местоположение: «Ils lui envoyaient constamment des messages lorsque nous étions ensemble, des fois ils commençaient même une conversation alors que nous n'étions qu'à deux dans *mon lit*». Девушка употребляет притяжательное местоимение *mon lit* 'моя кровать', рассказывая о конфликте, хотя жила в доме родителей своего парня.

Демаркационная лексика востребована равным образом и в описании хороших отношений в семье, т. к. часто залогом мирных отношений говорящий считает ненарушение своих границ: «On a fait front mon homme et moi et elle a bien compris que si elle s'habitait pas à *rester à sa place* [букв. 'оставаться на своем месте']. <...> papa et maman doivent le comprendre et *tenir un peu de distance*».

Одна из участниц форума в дискуссии о том, как попросить престарелых родителей мужа не приходить так часто, приводит пословицу с топологической метафорой в доказательство эффективности границ друг друга: «Principe de base: Une niche pour chaque chien».

Описание конфликтов между людьми в терминах военных действий не ново, но осмысление себя и своей семьи в терминах территории неизбежно влечет за собой смещение акцентов на вторжение, оккупацию, захватнические действия (речь идет о незваных родственниках): «Comme à son habitude en autres *intrusions* [букв. 'делать интрузию', 'внедряться'] chez nous, elle nous téléphonait tous les jours pour savoir ce que nous étions en train de faire,

cela devenait du *harcèlement* [букв. 'военные налеты', 'беспрестанный огонь']. <...> *Les gros boulets*... [букв. 'тяжелые снаряды']».

Налеты, снаряды, пушечные ядра кроме идеи нападения имплицитно дистанция, с которой происходит нападение, т. е. можно говорить об идее «обособленности» в этих метафорах.

Ценностное отношение к личной территории выражается также через негативную окраску пространственной метафоры *être sзади*, означающей чрезмерную опеку (родителей), чрезмерный интерес к личным делам – в отличие от русского «быть рядом», означающего готовность помочь: «Elle est fort «après lui» dans le sens que c'est son fils et que c'est tout pour elle. <...> il est toujours *derrière la dos*» (о навязчивой заботе отца).

Необходимо отметить, что во французском дискурсе акцентируется именно неподходящая с точки зрения говорящего дистанция, ее отсутствие гиперболизируется и метафоризируется, в то время как, например, в русскоязычном дискурсе гиперболизируется частота контактов («вечно придирается ко мне») или нежелательность контакта («постоянно лезет не свое дело», т. е. если в свое, то это хорошо): «Elle allait garder les gosses, ouvrait les placards, repassait, faisait la vaisselle, bref une *glue*».

На первичность топологической и демаркационной моделей в представлении себя и других участников семейных историй указывает пространственная лексика в описании межличностных отношений: «Elle a compris aussi qu'elle avait *en face* d'elle [букв. 'напротив нее'] non pas une jeune fille, mais une femme comme. <...> et que tu *passes* peut-être à côté [букв. 'проходишь рядом'] de certaines de tes chances sans les voir comme ça».

Пространственная лексика используется также для выражения интенсивности эмоционального состояния говорящего и участников конфликта: «Il s'est totalement *braqué* [букв. 'развернулся против'] <...> Parce que là je commence à *être un peu à bout* [букв. 'на конце']».

Топологичность интерпретации действительности выражается также тем, что при проецировании в семантику языка абстрактных ситуаций часто используются предлоги, фокусирующие положение объекта речи в пространстве. Так, фраза «он будет противиться нашим требованиям» во французском дискурсе сопровождается предлогом *face à* 'лицом к': *il va résister face à nos demandes*. Для значения по отношению к кому-либо употребляется предлог *vis à vis* 'лицом к лицу': «Il faut que ton copain soit du même avis que toi concernant une certaine liberté *vis à vis* d'eux, sinon cela ne marchera pas».

Аналогичны примеры конкретизации пространства с помощью предлогов в описании абстрактных понятий *c'est dans mon éducation* («это в моем воспитании»): «...il est perdu *entre* le fait que c'est important que j'ai une bonne relation avec ses parents et le fait qu'il est amoureux».

Приоритет демаркационной модели в интерпретации действительности доказывается частым использованием в дискурсе о семье устойчивых выражений с единицами *point* 'точка' и *part* 'часть'.

Point может означать предел, границу, уровень, в дискурсе имплицитно конкретизирует нечто непонятное, внесение ясности в сложное или же предел развития событий, предел эмоций: «Je mettais un point d'honneur à faire plaisir à tout le monde. <...> Je pense que tu devrais discuter avec ton beau-père et mettre les choses au point». Дериват от *point* глагол *se pointer* – разг. 'заявляться', 'нарисоваться', 'являться без приглашения' – также достаточно часто употребляется.

Тенденцию фиксировать свое и границы своего в отношениях с другими участниками коммуникации можно продемонстрировать, сравнив аналогичные контексты франкоязычного дискурса и русскоязычных выражений. Так, многие выражения русского языка со словом «сторона» (*с моей стороны, принять чью-то сторону, отложить в сторону, с другой стороны* и др.) во французском несут тот же смысл – только через *part* 'часть'.

Семантическое представление этих единиц имеет совершенно разную иерархию. «Сторона» предполагает, что объект находится в точке, несколько удаленной от наблюдателя: выражение *с моей стороны* означает, что говорящий представляет себя как целостность и видит себя с некоторого удаления, *принять чью-то сторону* – говорящий присоединяется к удаленному объекту, которым представляется мнение, позиция и т. д. В слове *часть* объект уже не имеет целостности, говорящий выступает не в роли наблюдателя, а действующего субъекта, определяющего границы нового объекта.

Описывая эти два слова в терминах силового взаимодействия Л. Талми, можно констатировать, что они предполагают одинаковое начальное состояние объектов (целостность). Но тип взаимодействия в русском слове «сторона» пассивный: это присоединение к другому, более значимому, а во французском «часть» – это взаимодействие активное, имеющее целью установить границы нового объекта, отделяемого от большего. Поэтому результат взаимодействия также разный: «...malheureusement pour ton ami, cela est tout à fait possible, mais ça reste assez inhumain de la part de son père / Ça reste un échec de la part des parents».

Данные примеры показывают, что во французском коммуникативном сознании отношения людей представляют собой объект, который делится на части, принадлежащие каждому из участников. Каждый действует в рамках своей части: «Je sais qu'ils pensent que c'est provisoire en pensant "ça va lui passer à l'autre" sauf que pour *ma part*, je sais que c'est pour toujours».

Анализ семантического представления при помощи универсальных схем «динамики сил», предложенных Л. Талми, открывает некоторые базовые понятийные категории наивной механики [12]. Так, при описании ситуации, когда родители прекращают содержание совершеннолетнего ребенка, не желают его проживания в доме и отправляют его жить самостоятельно, используется выражение *mettre dehors* 'поставить вне'. В аналогичном контексте русскоязычные выражения *выгнать из дома*,

выставить за дверь предполагают не только действия антагониста, но и противодействие со стороны агониста, стремящегося сохранить положение: в предложении присутствует сила противодействия или реакция того, кому отказывают в опеке. Другие возможные выражения этого контекста без противодействия со стороны агониста (*поселить отдельно, уйти из дома*) предполагают в первом примере сохранение родственных связей и указание на место назначения, во втором агонистом выступает тот, кто покидает семью, *отделить* предполагает *выделить какую-то часть из общего*, что означает сохранение интересов ребенка. Во французском же *mettre dehors* нет реакции агониста либо заботы о его интересах; предлог акцентирует лишь перемещение за пределы семейного круга, куда – неважно: «J'ai une belle-soeur qui a mis ses 6 filles dehors, tour à tour, dès leur 18 ans».

В анализируемом материале выражение *mettre dehors* встретилось не только в дискуссиях о взаимоотношениях родителей и детей, но и в рассказах о родственниках, приходивших без предупреждения, и часто о престарелых родителях мужа, которые каждые выходные проводили в семье сына, что свидетельствует об отсутствии иерархии родственных связей: «Avez-vous déjà eu à “mettre vos beaux parents dehors”, même si ce n'est pas vraiment le cas puisqu'ils ne vivent plus chez nous. Parce que là je commence à être un peu à bout». Это косвенно подтверждает то, что в определении понятийного поля «семья» наиболее ценным являются границы семейной территории. *Mettre dehors* означает вывод за пределы семейной группы, отказ в праве считаться своим внутри семейного круга.

Ценность границ личного пространства, куда включены члены *famille proche* и те, кого говорящий считает близкими, выражена лексическими предпочтениями и дискурсивными конструкциями высказываний о семье. Это имплицитно доказывает смысл личности, индивидуальной отдельности, закрепленной во французском менталитете, в силу чего его можно характеризовать как «островной». В высказываниях о семье

встретились и примеры, которые считаются неотъемлемой частью «островного менталитета», – примеры морской метафоры в описании личностных взаимоотношений: «Mais en premier lieu, parle le en à ta femme. Elle seule, sait comment *aborder* son père [букв. 'приблизиться бортами', 'взять на бордаж']. <...> Vous êtes deux grands ados/jeunes adultes qui *démarrez* tout juste une vie de couple [букв. 'отплываете'] / On a dû peu à peu *coupé les ponts*, en ne répondant plus au téléphone, ni à la porte d'entrée <...> Les parents ont été évidemment *déseparés* pendant des années de voir leur enfant *dérriver* comme ça [букв. 'дрейфует, относится ветром, течет по воле волн']».

Проведенный анализ франкоязычного интернет-форума позволяет утверждать, что семейный дискурс протекает в исходном пространстве «моя территория», наполняющемся смысловыми константами «я», «пределы/граница моего я», которые, в свою очередь, материализуются в языковых знаках с топологическими и демаркационными семами значения.

Взаимоотношения с родственниками осмысляются в терминах топологической и демаркационной интерпретационных моделей как соотношение территорий – своей и другой. Так, нежелательные контакты предстают в метафорических образах инкрустации, интрузии, вторжения на чужую территорию, бомбардировки. Навязчивые родственники воспринимаются как оккупация, приклеивание, прилипание, положение за спиной. Лексика с семьей «положение в пространстве» используется для описания межличностных отношений, выражения интенсивности эмоционального состояния, абстрактных понятий.

Сравнительный анализ распределения динамики сил в глаголах, описывающих взаимоотношения членов семьи, показывает, что во франкоязычном семейном дискурсе в ряде выражений доминирует сила субъекта действия без ответной реакции противодействия, что свидетельствует об эгоцентризме менталитета, сосредоточенности на личности говорящего. Все это позволяет характеризовать франкоязычный семейный дискурс как дискурс «границ».

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 476 с.
2. Atifi H., Marcoccia M. Communication médiatisée par ordinateur et variation culturelle: analyse contrastive de forums de discussion français et marocains // *Les Carnets du Cediscor*. 2006. № 9. P. 59–73. URL: <http://cediscor.revues.org/629> (дата обращения: 05.07.2017).
3. Marcoccia M. L'analyse conversationnelle des forums de discussion: questionnements méthodologiques // *Les Carnets du Cediscor*. 2004. № 8. P. 23–37. URL: <http://cediscor.revues.org/220> (дата обращения: 05.07.2017).
4. Фульье А. Психология французского народа. СПб., 1899.
5. Mileti F.P. Construction sociale des catégories de l'altérité et identités des populations migrantes. Réflexion théorique et études de cas: Thèse de doctorat. Neuchâtel, 2001. P. 152–164.
6. Головановская М.К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М., 2009.
7. Айрапетян В. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. М., 2001.
8. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 3-е, испр. М., 2006. 280 с.
9. Куликова Т.В. Экзистенциально-антропологические смыслы границы // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского*. Сер.: Социология. Психология. Философия. 2010. № 3(1). С. 369–375.
10. Бахтызин А.М. Границы идентичности: западные и восточные традиции // *Путь Востока*. Культурная, этническая и религиозная идентичность: материалы VII Молодеж. науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. СПб., 2004. Вып. 33. С. 18–22.
11. Бахтызин А.М. Граница: бытие, сущность, рефлексия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2004. 18 с.
12. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 1. *Concept Structuring Systems*. Cambridge, 2000. 565 p.

References

1. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 476 p.
2. Atifi H., Marcoccia M. Communication médiatisée par ordinateur et variation culturelle: analyse contrastive de forums de discussion français et marocains. *Les Carnets du Cediscor*, 2006, no. 9, pp. 59–73. Available at: <http://cediscor.revues.org/629> (accessed 5 July 2017).
3. Marcoccia M. L'analyse conversationnelle des forums de discussion: questionnements méthodologiques. *Les Carnets du Cediscor*, 2004, no. 8, pp. 23–37. Available at: <http://cediscor.revues.org/220> (accessed 5 July 2017).
4. Fouillée A.J.E. *Psychologie du peuple français*. Paris, 1898 (Russ. ed.: Full'e A. *Psikhologiya frantsuzskogo naroda*. St. Petersburg, 1899).
5. Mileti F.P. *Construction sociale des catégories de l'altérité et identités des populations migrantes. Réflexion théorique et études de cas: Thèse de doctorat*. Neuchâtel, 2001, pp. 152–164.
6. Golovanivskaya M.K. *Mental'nost' v zerkale yazyka. Nekotorye bazovye kontsepty v predstavlenii frantsuzov i russkikh* [Mentality Mirrored in Language. Some Basic Concepts in the French and Russian Worldviews]. Moscow, 2009.
7. Ayrapetyan V. *Tolkuya slovo. Opyt germenevтики po-russki* [Interpreting Words. The Experience of Hermeneutics the Russian Way]. Moscow, 2001.
8. Tsiv'yan T.V. *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [The World Model and Its Linguistic Basis]. Moscow, 2006. 280 p.
9. Kulikova T.V. *Ekzistentsial'no-antropologicheskie smysly granitsy* [Existential-Anthropological Meanings of the Border]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. Ser.: *Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiya*, 2010, no. 3, pp. 369–375.
10. Bakhtyzin A.M. *Granitsy identichnosti: zapadnye i vostochnye traditsii* [Identity Boundaries: Western and Eastern Traditions]. *Put' Vostoka. Kul'turnaya, etnicheskaya i religioznaya identichnost': materialy VII Molodezh. nauch. konf. po problemam filosofii, religii, kul'tury Vostoka* [The Path of the East. Cultural, Ethnic and Religious Identity: Proc. 7th Youth Sci. Conf. on the Problems of Eastern Philosophy, Religion and Culture]. St. Petersburg, 2004. Iss. 33, pp. 18–22.

11. Bakhtyzin A.M. *Granitsa: bytie, sushchnost', refleksiya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Boundary: Being, Essence, Reflection: Cand. Philos. Sci. Diss. Abs.]. Omsk, 2004. 18 p.

12. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1. Concept Structuring Systems*. Cambridge, 2000. 565 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.98

Natal'ya V. Mongileva

Baitursynov Kostanay State University;
ul. Baytursynova 47, Kostanay, 110000, Republic of Kazakhstan;
e-mail: natmong@rambler.ru

DISCOURSE OF BORDERS: AN ANALYSIS OF THE FRANCOPHONE DISCOURSE ABOUT FAMILY

This article aimed to study the semantic space of discourse about family, based on statements about family posted on French-language online forums. France's geography as well as peculiarities of its historical and economic development formed a special mentality of the French, with a high level of individuality, an idea about a person's inherent value, and confidence in their own uniqueness. For these reasons, the French see family as their personal territory with distinct, inviolable borders. The archetype of border introduces topological and demarcation motifs in the discourse about family relations. This hypothesis is proved by numerous examples of the use of lexemes with the seme "space" when describing family relations, metaphors of invasion when describing conflicts, negative connotations of metaphors about close presence, as well as emphasis on one's personal and family boundaries with the help of grammatical means. Such priority of the demarcation model of reality is also proved by the analysis of semantic representation in a number of lexemes with the help of L. Talmy's universal schemes of force dynamics. The article highlights that the word *famille* in the francophone discourse designates, first of all, relationships between parents and their children and is used to refer to various family groups set in opposition to each other: speaker's family/spouse's family, relatives in general/close circle, blood family/friends. It should be noted that *famille* does not include all the relatives in general as is the case with the Russian discourse. The author concludes that the francophone discourse about family can be called a discourse of borders.

Keywords: *French mentality, francophone discourse, family discourse, discourse of borders.*

Поступила: 02.06.2016

Received: 2 June 2016

For citation: Mongileva N.V. Discourse of Borders: An Analysis of the Francophone Discourse About Family. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 4, pp. 98–107. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.98